

УДК 94"4"(470)

doi 10.17072/2219-3111-2026-3-159-168

EDN: VMAPNK

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Канаев А. А.* Особенности самоориентализма в политических языках В. В. Кожина и Э. В. Лимонова в 1990-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 3(74). С. 159–168. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-3-159-168. EDN: VMAPNK

ОСОБЕННОСТИ САМООРИЕНТАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ В. В. КОЖИНОВА И Э. В. ЛИМОНОВА В 1990-Е ГОДЫ

А. А. Канаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
hunter_kan@inbox.ru

Данное исследование посвящено специфике соотнесения образа Востока с русской национальной идентичностью в политических языках российских националистов в 1990-е гг. Речь идет о ситуациях, в которых определенные противопоставленные Западу позитивные черты воображаемого Востока ассоциировались с русской нацией. Конституирование подобного образа русских в данном тексте называется самоориентализмом. Исследование выполнено в рамках интеллектуальной истории. Главными источниками стали тексты представителя «Русской партии», публициста, литературоведа В. В. Кожина и писателя, поэта, вождя Национал-большевистской партии Э. В. Лимонова. Ряд высказываний Кожина и Лимонова рассматриваются в контексте их полемики с западниками, а также в связи с популяризацией евразийской политической философии. Текст В. В. Кожина иллюстрирует примечательный сюжет, который можно назвать византийским евразийством. Кожин полагал, что евразийским по своей сути государствам свойственно сохранять в своем составе множество народов, в отличие от унифицирующих и стремящихся к мононациональности западных государств. По Кожину, Россия также обладала этим евразийским принципом, но унаследовала его от Византии. Лимонов утверждал, что русские обладают коллективистским характером потому, что приняли византийскую, восточную версию христианства. Коллективизм русских, по Лимонову, следует из их «обязанности». Однако после основания Национал-большевистской партии в языке Лимонова нередко встречаются ориенталистские, азиатские идиомы, согласно которым родство России и Востока не отрицается, но они используются для характеристики негативных явлений и процессов.

Ключевые слова: русский национализм, В. В. Кожин, Э. В. Лимонов, Восток, ориентализм, Запад, интеллектуальная история.

Политические языки перестройки и постсоветского пространства прибегали к образу Востока и связывали с воображаемым Востоком различные идиомы. Нередко дискуссии о русской национальной идентичности предполагали ее позитивное либо негативное соотнесение с категориями Запада и Востока. Исторический контекст усугублял проблематику этих дискуссий: словоупотребление ряда идиом в политических языках становилось зависимым от специфики исторического контекста. Демократизация информационной среды в перестройку обострила прямую и заочную полемику условных либерально-демократического, социалистического и националистического лагерей. Их языкам также было свойственно по-разному конституировать образы Запада или Востока и соотносить с ними национальные идентичности. К тому же набирали популярность примечательным образом обращавшиеся с данными категориями интеллектуальные течения вроде евразийства.

Цель настоящего исследования – описать примечательные сюжеты словоупотребления, которые можно назвать самоориенталистскими. Данный термин убедительнее звучит на английском *self-orientalist* и часто фигурирует в зарубежной историографии, посвященной использованию ориенталистских образов самими объектами ориентализма [Lau, Mendes, 2011, p. 4]. В рам-

ках этих сюжетов те или иные националистические авторы воображали Восток в позитивном ориенталистском ключе, соотносили с ним положительные политические и культурные аспекты, которые они считали органичными воображаемому Востоку, и были склонны полагать, что Россия разделяет эти аспекты с Востоком как его часть или родственное ему явление.

Для контекстуализации ряда идиом исследуемых политических языков была выбрана методология интеллектуальной истории Кембриджской школы Покока в изложении российских авторов – Т. М. Атнашева и М. Б. Велижева. Ключевые термины, которые мы используем в данной статье: идиома – сложившееся устойчивое языковое образование, которое может быть представлено словом или сочетанием слов; полемическая ситуация – это контекст, в котором автор использует ту или иную идиому, прямо обращаясь к какому-то конкретному оппоненту, высказыванию, идеологическому течению, тексту или коллективному воображаемому оппоненту, языку, дискурсу; политический язык – набор авторских идиом, в том числе используемых в различных полемических ситуациях, которые отображают паттерны авторского мировоззрения и его политической мысли [Атнашев, Велижев, 2015, с. 21–44]. Контекстуализация предполагает анализ ключевых контекстов, в которых идиома приобретает дополнительные значения.

Главными источниками самоориенталистского словоупотребления русских националистов в данном исследовании стали тексты представителя «Русской партии» В. В. Кожина и вождя Национал-большевистской партии (НБП) Э. В. Лимонова. Подробнее данные источники описываются в соответствующих фрагментах, посвященных языкам Кожина и Лимонова. С целью улучшения контекстуализации их словоупотребления в данной статье приводятся общие актуальные данные по особенностям и истокам евразийского самоориенталистского словоупотребления 1980–1990-х гг., а также примечательный пример ориенталистского словоупотребления в публицистике участницы организации «Демократический союз» В. И. Новодворской, являющийся одним из примеров языкового фона, по отношению к которому совершали высказывания исследуемые националисты.

Актуальность исследования продиктована тем фактом, что тексты В. В. Кожина и Э. В. Лимонова имеют определенное влияние в дискурсивном поле современной России. Их представления о Западе и Востоке резонируют с политическими языками ряда современных авторов и политиков. К тому же историография политических языков националистов 1980–1990-х гг. сравнительно мала и носит преимущественно описательный характер. В основном она представлена текстами, зафиксировавшими основные декларируемые положения их идеологий, их ключевые идеи и концепты. В ряде таких текстов может быть уделено повышенное внимание отдельным аспектам идеологии или языка, но это сопровождается недостатком контекстуализации.

К примеру, проблематикой воображения Востока в языках российских националистов 1990-х гг. и более поздних периодов поднимались в работах О. Ю. Малиновой, посвященных особенностям воображения ими Запада [Малинова, 2009]. Проблематика непосредственно ориентализма в языках российских националистов редко оказывается главным предметом исследования: в качестве одного из таких примеров можно выделить работу И. В. Боброва и Д. А. Михайлова, посвященную ориентализму русских националистов 2000–2010-х гг. [Бобров, Михайлов, 2020]. Чаще работы, связанные с русским ориентализмом в целом, посвящены периоду XIX – начала XX в., затрагивают проблематику имперского воображения Востока или его воображения в текстах русской эмиграции. Примером последнего могут послужить работы Р. Р. Вахитова, посвященные особенностям ориентализма и антиориентализма у евразийцев [Вахитов, 2013]. В ряде случаев рассмотрение особенностей воображения Востока в евразийстве и неоевразийстве может соприкаться с анализом взглядов российских националистов 1980–1990-х гг. Так, специфика неоевразийства В. В. Кожина и Д. М. Балашова в контексте общего распространения идей Л. Н. Гумилева отчасти рассматривалась в работе М. Бассина [Bassin, 2016].

Особенности радикального противопоставления себя Западу в языке Лимонова и дискурсе НБП описываются в книге Ф. Фенги, но лишь частично, поскольку в целом книга посвящена более широкой проблематике [Fenghi, 2020]. Специфика неоевразийства ряда российских националистов (в частности, В. В. Кожина) подробно описана в книге М. Ларюэль, но с акцентами на других особенностях и противоречиях их идей и воображения ими Востока [Laruel-

le, 2012]. Биографии и отдельным идеологическим аспектам Лимонова в сопоставлении с иными историческими персонами посвящена, например, значимая работа В. П. Сапона [Сапон, 2004]. Однако в своей работе Сапон сделал акцент преимущественно на анархистской составляющей идеологии Лимонова, к тому же в основном в контексте 2000-х гг., в то время как ряд его идей подвергся существенному изменению по сравнению с их состоянием в 1980–1990-е гг. Особенности евразийства В. В. Кожина в контексте его философии Византии (в том числе по используемому в данном тексте источнику) упоминались в ряде работ, например, в тексте М. В. Рославцевой [Рославцева, 2022]. Однако, как правило, данные элементы языка Кожина недостаточно контекстуализируются. Наконец актуальная историография практически не рассматривает непосредственно самоориентализм Кожина, Лимонова или других русских националистов в исследуемый период.

Контекст: Восток коллективного западника и евразийство в 1980–1990-е гг.

Для воссоздания контекста, в котором стал возможен самоориентализм ряда российских националистов 1990-х гг., необходимо проговорить некоторые особенности воображения ими Запада в контексте полемики 1980–1990-х гг. Многие националисты часто полемизировали с образом коллективного западника: они критиковали политический язык западнически ориентированных авторов и политиков, идеализирующих (на взгляд националистов) опыт Запада. Еще с конца перестройки националисты часто включали в образ коллективного западника наравне условных демократов, либералов и даже реформаторов. Отношение к Западу воображаемого националистами западника могло редуцироваться до самых радикально-западнических характеристик, которые иногда действительно встречались в этих политических языках. При этом именно рядом с подобными характеристиками в данных языках могли возникать негативно-ориенталистские образы.

В этом отношении особенно примечательной кажется статья «Возвращение из Эдема» В. И. Новодворской, в которой на фоне апологий «...открытого западного общества, безграничного, как море...» встречаются такие ориенталистские образы: «...пышная и рабья традиция Византии...», «...традиция разрушения и набега, традиция скифской степи...» (Новодворская, 1993, с. 30–31). Все, так или иначе связанное с Востоком и Азией, неизменно соседствует с такими образами, как набег, разрушение, называется «рабьим» и противопоставляется «открытому», «западному». Определенные черты и тенденции советского общества – и в ряде случаев русского народа или русской культуры, которые могли рассматриваться как явления, неразрывно связанные с сутью советского государства, – в подобных текстах нередко характеризовались как «азиатское», «скифское», «византийское» с отрицательными коннотациями. Одним из главных средств избавления от подобных черт и тенденций полагалось возвращение к западному пути развития.

В свою очередь, в языках русских националистов 1980–1990-х гг. образ Востока разнился в зависимости от политического языка. Некоторым националистам было свойственно разделять западническое словоупотребление, особенно если они также были радикально критически настроены по отношению к СССР. Другие старались избегать негативного ориентализма и свойственных ему образов в силу своего амбивалентного отношения к Востоку и Западу и даже могли проявлять некоторые элементы самоориентализма. Однако наиболее показательно самоориентализм проявился в языках тех авторов, на взгляды которых повлияла в широком смысле евразийская политическая философия.

Восприятие националистами 1980–1990-х гг. евразийства также имело ряд особенностей. Можно сказать, деятели и авторы этого периода вдохновлялись одновременно евразийством и неоевразийством. Труды непосредственно русских евразийцев 1920–1930-х гг. стали популяризоваться в СССР ближе к началу 1990-х гг., когда открылась возможность их массово публиковать. Однако уже ближе к 1980-м гг. начал складываться интеллектуальный феномен, связанный прежде всего с именем философа Л. Н. Гумилева, который можно назвать неоевразийством.

Вопрос о том, насколько Гумилев являлся наследником идей классического евразийства, дискуссионный. Одна из актуальных точек зрения состоит в том, что он выработал самостоя-

тельное философское учение, мало похожее на евразийство 1920–1930-х гг., но тем не менее в серьезной степени разделявшее эти идеи «в эмоционально-интеллектуальной плоскости» [Ермолаев, 2013, с. 210]. В этом смысле активная переписка Гумилева с идеологом классического евразийства П. Н. Савицким сделала его своеобразным наследником идей Савицкого и повлияла на становление его философского учения. Однако оно стало настолько самостоятельным, что о евразийстве Гумилева правильнее говорить с приставкой *нео*. Схожесть этого неоевразийства с евразийством нередко ограничивалась общей историософией Евразии как сущности, органичной определенному (зачастую, совпадающему с Российской империей и СССР) территориальному пространству; историософией сложившейся испокон веков общности, обладающей ориенталистским колоритом, единство которой вокруг определенного принципа и культуры детерминировано географическими особенностями данного региона.

В 1980–1990-х гг. неоевразийство по-разному проявлялось в актуальных политических языках. К примеру, известный (к середине 1990-х гг. национал-большевистский) деятель А. Г. Дугин¹ выстраивал генеалогию как элементов национал-большевизма, так и своего неоевразийства конца 1990-х гг. и более поздних периодов, опираясь одновременно на евразийцев-классиков и Л. Н. Гумилева. Неоевразийское видение с самоориенталистскими чертами было свойственно и другому популярному почвеннику, писателю Д. М. Балашову, который лично контактировал с Гумилевым, часто использовал его теорию пассионарности в своей публицистике, а также утверждал, что скифы были своеобразной предтечей русских. В. В. Кожинov защищал теории Гумилева на страницах «Нашего современника» уже в ноябре 1981 г. [Laruelle, 2012, p. 53]. Необходимость их защиты была продиктована регулярно возникавшими еще с середины 1970-х гг. небесспорными дискуссиями об идеях Гумилева в советской науке и публицистике.

Особую популярность евразийство в широком смысле слова и Евразия как один из ключевых терминов получают уже в последние годы перестройки, в частности, по мнению М. Ларюэль, благодаря публикациям соответствующего характера в газете А. А. Проханова «День» [Ibid., p. 4]. На рубеже 1980–1990-х гг. с газетой «День» уже активно сотрудничали будущие лидеры Национал-большевистской партии А. Г. Дугин и Э. В. Лимонов. Так, Лимонов имел несколько истоков знакомства с евразийской философией в широком смысле слова, обмениваясь рецепцией этих идей в ходе активного общения с Дугиным и Прохановым в начале 1990-х гг. (стоит отметить, что, скорее всего, Лимонов получил определенное знание об основах евразийской философии, еще находясь в эмиграции с 1974 г. по конец 1980-х гг.).

Византийское евразийство В. В. Кожинова

Публицист, филолог и литературовед В. В. Кожинov (1930–2001) считается одним из виднейших представителей «Русской партии» – русского националистического течения, развивавшегося преимущественно в послесталинском СССР, в особенности в поздние десятилетия его существования. Различные деятели этого движения группировались вокруг таких видов деятельности, как охрана памятников природы или сохранение культурных объектов. В рамках этих практик они разрабатывали русский националистический дискурс в СССР – стихийно или намеренно, рассчитывая на эволюцию советского государства с его помощью.

Идейная платформа «Русской партии» была достаточно широкой и разнилась от идеолога к идеологу, однако в случае Кожинова можно точно говорить о его сильном монархическом уклоне и определенном антикоммунизме (но не антисоциализме). Для него была важна постепенная реабилитация образа Российской империи в СССР, общественной и религиозной мысли тех ее авторов, которых на момент 1970–1980-х гг. было все еще затруднительно обсуждать и публиковать. Именно у Кожинова была возможность содействовать подобным обсуждениям и публикациям: в частности, он выступал с реабилитирующими славянофилов статьями в официальном журнале «Вопросы литературы» в 1969 г. [Митрохин*, 2003, с. 325]. В статьях Кожинова и его идейных союзников этого периода славянофильская мысль нередко обобщалась до философии общинного начала русского народа, который по этому критерию противопоставлялся

¹Включен в Реестр иностранных агентов 08.09.2023 г.

буржуазному и индивидуалистичному Западу. Примечательно, что в «Русской партии» Кожин был активным участником наиболее официальных групп этого течения, непосредственно контактировавших, например, с ЦК ВЛКСМ [Там же, с. 353].

Особенно примечательный пример самоориентализма Кожина можно обнаружить в окончании его книги «“Черносотенцы” и революция». Эта работа была впервые опубликована в 1995 г. (дополненный тираж был издан в 1998 г.), но является суммой его размышлений более ранних периодов. В целом она посвящена изобличению ряда популярных, на взгляд Кожина, мифов о черносотенном движении в контексте первых десятилетий XX в. Например, весомая часть работы состоит в попытке преуменьшить роль антисемитизма у черносотенцев, а также описать общую идейную платформу черносотенцев как единственного, на взгляд Кожина, народного общественного течения начала XX в. (его народность он также связывал с антиреволюционной настроенностью течения).

В качестве завершающего работу приложения Кожин вставляет главу, названную следующим образом: «Историософское приложение: о византийском и монгольском “наследствах” в судьбе России» (Кожин, 1998). Автор посчитал это приложение необходимым, поскольку, по его мнению, оно проясняет особенности тысячелетних основ России и смысла русской истории в контексте его рассуждений о причинах и смысле революции 1917 г. В конце данного приложения роль этого рассуждения сводится к полемике Кожина с мифом о России как о «тюрьме народов», однако внутри этой полемики разворачивается другой особенно любопытный полемический сюжет.

Текст также оказывается направлен на изобличение негативных, по мнению Кожина, мифов о Монгольской империи, в особенности Византии. Их изобличение автор полагает необходимым, поскольку именно Византийская и Монгольская империи оказали влияние на становление России как империи и, как следствие, на специфику народной жизни в этом государстве. Евразийство Кожина наиболее концентрированно откликнулось в этой части текста, о чем можно судить по следующему тезису: «...Россия, подобно Византии, сложилась и как евразийское, и как идеократическое государство...» (Кожин, 1998, с. 136). Идиома «идеократическое государство» определенно навеяна философией классических евразийцев, которые некоторое время проявляли симпатию к установившемуся советскому строю как строю «идеократическому» [Глебов, 2009, с. 70] – типологически родственному тому, который евразийцы видели необходимым для реализации своего учения, т.е. строю, который обеспечен «господством одной идеологии» [Там же]. Классические евразийцы не всегда были склонны столь широко проецировать свою евразийскую концепцию, но именно с опорой на них Кожин разрабатывает свою рамку, стараясь соблюдать определенные ключевые аспекты евразийской философии.

Этот мотив текста является иллюстрацией самоориентализации России в языке Кожина. Он утверждает родство России с Византией, которая сама по себе часто воспринимается как восточное явление, а также называет и Россию, и Византию евразийскими государствами. При этом Евразия в данном контексте строго противопоставляется Западу. Позитивным аспектом евразийской сущности Кожин постулирует восточное, азиатское начало, которое автор наделяет такими позитивными, на его взгляд, чертами, как, например, многоплеменность («многоплеменный евразийский “котел” Византии» (Кожин, 1998, с. 134)), т.е. органичное сосуществование множества разных народов (наций, племен) в составе одного государства. В свою очередь, многие западные страны, по мнению Кожина, считаются мононациональными, и их мононациональность в свое время была обеспечена тем, что множество этносов были «стерты с лица земли посредством самого жесткого давления со стороны... господствующих этносов или даже прямого физического уничтожения» (Кожин, 1998, с. 150). Здесь же Кожин дополняет полемику с мифом о России как о «тюрьме народов», в ответ этой идиоме характеризуя страны Запада при помощи идиомы «кладбища народов».

Именно по критерию многоплеменности «евразийскость», согласно историософии Кожина, может быть обнаружена и за пределами той области, которую обычно относят к Евразии. В частности, в данном тексте автор подробно останавливается на многоплеменном характере евразийской по своей сути Византии и прямо противопоставляет данный атрибут приписывае-

мой Западу идиоме – западному расизму. Евразийская в силу своей сути Византия оказывается противоположна Западу потому, что в ней «...никто не усматривал в людях, принадлежавших к народам Азии и Восточной Европы, “недолюдей”...» (Кожин, 1998, с. 134). Соответственно, Кожин полагает, что страны Запада, в отличие от евразийских государств, наподобие Византии, расистским образом относились к незападным этносам (и к нетитульным этносам в своих государствах).

Постулируемую Кожиневым евразийскую по духу черту, по его мнению, Русь-Россия унаследовала именно от Византии. Свою гипотезу византийско-евразийского генезиса нерасистской сути России Кожинев противопоставляет популярному у евразийцев и неоевразийцев мнению, что евразийство России унаследовано от пребывания в составе Монгольской империи. Этот элемент заочной косвенной полемики с мыслявшими подобным образом другими националистами (вроде Балашова и Дугина) примечателен, ведь именно он повлиял на становление уникальной византийско-евразийской историософии Кожинова. Наконец, особенно важно, что Кожинев прямо обозначает контекст полемики с теми авторами, которые используют идиому византизма в негативном контексте.

Так, Кожинев говорит о необходимости освобождения термина «византизм» «от того негативного заряда, который был внедрен в это название – и особенно в производные от него термины “византизм” (или “византизм” и “византизм”» (Там же, с. 135). По его мнению, описанный им «негативный заряд» был внедрен в подобные идиомы «западными, а по их примеру и российскими либеральными идеологами» (Там же) с целью сознательной дискредитации образа Византии и присущих ей позитивных черт, а также для возвышения образа Запада. В числе подобных некорректно использующихся византийских идиом с отрицательными коннотациями он приводит идиомы, обращенные к советскому контексту (например, *сталинский византизм*). Так, Кожинев осознавал роль идиом византизма в актуальном полемическом контексте и в некотором роде предпринял первую попытку анализа их словоупотребления в качестве риторического средства борьбы политических языков.

Э. В. Лимонов на пути от византизма к «азиатчине»

Самоориенталистские сюжеты можно обнаружить в текстах первой половины 1990-х гг. писателя, поэта, публициста и с 1993 г. вождя Национал-большевистской партии Э. В. Лимонова. Особенно примечательны тезисы, высказанные им в сборниках его публицистики рубежа 1980–1990-х гг., наподобие «Исчезновение варваров», в частности в тексте «Брат богатый наш, Кальвин», опубликованном в «Собеседнике» в 1990 г. Широкий полемический контекст Лимонов проговаривает сам. Он спорит со «сторонниками полного капитализма» (Лимонов, 1992b, с. 91) – реформаторами-западниками, по мнению Лимонова, желающими реформирования СССР строго по образцу западного капитализма. Он утверждает, что они не учитывают исторических причин формирования капитализма на самом Западе. Писатель сводит эти причины к тому, что Макс Вебер называл «протестантской этикой», или к цитируемому Лимоновым определению Энгельса: «...кальвинизм как религия торговцев, базирующаяся на идолопоклонстве экономности...» (Там же, с. 92).

Лимонов постулировал эту генеалогию исторически обусловленного капитализма на Западе, исходя из следующего взгляда на глубинные исторические особенности России. Он утверждает, что «характер русского человека в течение тысячелетия подвергался влиянию византийского христианства» (Там же). Этот вид христианства Лимонов называет византизмом и говорит о более коллективистском, общинном характере византизма по сравнению с западными видами христианства. Он полагал, что исторически византизм «сообщал русскому человеку христианское разочарование во всем земном» и отрицание «всякого благоденствия на земле», в силу чего ни в византизме, ни в сложившейся под его влиянием русской культуре не сложилось «западного преувеличенного понятия о земной личности человеческой» (Там же).

Так, западной культуре и ее религиозным составляющим, соответственно, приписывается больший индивидуализм, в том числе поэтому Лимонов полагает, что протестантизм «поощряет деловую деятельность верующих», нацеленную на материальное обогащение в земной жизни.

ни (Там же). Данный нарратив он подкрепляет следующей самоориенталистской характеристикой: «...восточная, в сущности... малоазийская церковь... обазиятила их [русских. – А. К.] вернее, чем татаро-монголы...» (Там же). Комментарий о влиянии татаро-монголов на русских (пусть и, по мнению автора, меньшем) в данном контексте показателен. Получается, Лимонов полагает, что в ходе пребывания в составе Монгольской империи русские тоже были «обазиячены», в том числе именно присущими Востоку коллективистскими аспектами.

Лимонов не говорит о полном соответствии России Азии. Однако он описывает такой образ обобщенного Востока, черты которого, в том числе благодаря влиянию отдельных восточных явлений вроде Византии, были усилены в русской культуре. Русские оказываются «обазиячены», и эти черты составляют их антипод западному индивидуализму. Стоит оговориться, что не в последнюю очередь из-за рассмотрения русских в качестве коллективистского народа Лимонов нередко утверждал: «российская цивилизация» строилась на основе принципа права почвы, который он противопоставлял этнонационалистическому праву крови. Вследствие этого он постулировал: «...РОССИЯ – это не кровь, не этнос, это ИДЕЯ...» (Лимонов, 1992b, с. 131). Э. В. Лимонов также неоднократно соотносил с Россией идиому многонациональности. Примечательно, что в качестве синонима идиоме «многонациональный» в его языке выступала идиома «многоплеменной» (Там же, с. 59–60), а слово «племя» нередко было синонимом «народа». При этом, по мнению Лимонова, многоплеменность свойственна и ряду государств Запада, к примеру: США, Великобритании и Франции (Там же).

Э. В. Лимонов часто воспроизводил самоориенталистские нарративы. Например, в одном из текстов сборника эссе «Убийство часового» он обвиняет советскую буржуазию в идеализации заграницы, из-за чего она, по его мнению, «...одержима безумной идеей угнать на две трети азиатскую страну на Запад...» (Лимонов, 1993, с. 9–10). Интертекстуальный контекст объясняет, почему автор полагает эту идею безумной: по его мнению, «азиатскость» России онтологически не располагает ее к тем западным образцам, на которые ориентируется советская буржуазия.

Однако одна реплика авторского альтер эго в художественном произведении Э. В. Лимонова «Иностранец в смутное время», на первый взгляд, вносит противоречие в его язык. Гуляя по городу, лирический герой размышляет о встреченных им бедных убранствах торговых ящиков в московском подземном переходе. Он «не почувствовал презрения к своему народу за эту азиатскую нищенскую убогость, выставленную напоказ в центре города в шесть раз больше Парижа» (Лимонов, 1992a, с. 40). С одной стороны, из данной цитаты следует, что Лимонов не считает подобную «азиатскость» нормальной для его страны и полагает ее следствием актуальной кризисной экономической ситуации. Вследствие этого упомянутая им «азиатскость» оказывается возможной только вследствие «нищенской убогости». С другой стороны, предпосылки, сделавшие эту реплику возможной, родственны тем, что лежат в основе проанализированных выше тезисов, ведь автор предполагает возможным обнаружение родства России и Азии. Таким образом, даже периодически встречающиеся примеры негативно-ориенталистского словоупотребления Лимонова иногда работают на соотнесение России с Востоком и воображение России через эту призму.

Примечательно, что многие евразийские самоориенталистские тезисы высказывались Лимоновым еще до знакомства с Дугиным и создания с ним НБП, а значит, и до необходимости с определенным целеполаганием практиковать конкретный политический язык (евразийские элементы были важной составляющей дискурса НБП). Так, данные тезисы отображают действительно свойственное автору мышление. Однако, как раз когда Лимонов станет вождем партии (и в то время, пока Дугин еще будет в ней состоять), он начнет чаще прибегать к емким негативно-ориенталистским характеристикам различных социальных явлений. Следующие его тезисы взяты из различных публикаций Лимонова в газете НБП «Лимонке» 1990-х гг., скомпилированных для книги «Как мы строили будущее России» (2004).

Например, однажды Лимонов обвинит демократические (по его мнению, поспособствовавшие распаду СССР) устремления своего народа в том, что в результате их люди «отдались под власть... все тех же наших азиатских деспотических чиновников» (Лимонов, 2004, с. 49). Также однажды он выскажется следующим образом: «...грязи разведено полно. Коварство,

подставы, хитрые нападения из-за угла – вся наша азиатчина с блеском видна в эти предвыборные дни...» (Там же, с. 123). Так, подобно тому, как Лимонов ранее проассоциировал «нищенскую убогость» с «азиатскостью», в своих колонках для партийной газеты в 1990-х гг. он использует азиатские идиомы для характеристики негативных, ненормальных, на его взгляд, событий и процессов, словно он полагает, что подобное может быть нормальным только в Азии.

Резкую эволюцию интонаций высказываний Лимонова о Востоке ближе ко второй половине 1990-х гг. в таком направлении можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, на это повлиял его переход в статус действующего политика со своей партией и газетой, которому необходимо воспроизводить более резкие, легко считываемые и запоминающиеся высказывания. Во-вторых, нужно делать поправку на свойственный в ряде аспектов Лимонову и его партии этого периода эпатаж, также выводивший риторику на передний план. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что подобные партийные высказывания Лимонова, как кажется, отображают значительно менее аналитический подход, чем тот, что был у автора, например, в рамках анализа им генеалогии русского восточного коллективизма в начале 1990-х гг. В текстах той поры присутствует спорный, но анализ с опорой на определенную литературу, тогда как негативно-ориенталистские тезисы Лимонова больше напоминают лозунги и элементы его провокационной художественной литературы.

Заключение

Самоориенталистские сюжеты в политических языках Э. В. Лимонова первой половины 1990-х гг. и В. В. Кожинова 1990-х гг. в серьезной степени сконцентрированы вокруг образа Византии. Этот образ, подобно другим восточным образам (Азии в целом, в ряде случаев Евразии или Монгольской империи), радикально противопоставляется Западу в рамках полемики данных националистов с политическим языком коллективного западника. Византийское наследие, по мнению обоих авторов, в большей степени ответственно за присущие русским восточные черты, чем влияние Монгольской империи. При этом на обоих авторов в данном вопросе существенно повлияла в широком смысле слова евразийская философия.

В. В. Кожин прямо говорил о необходимости защитить словоупотребление связанных с Византией идиом от, на его взгляд, западнических коннотаций. Эта необходимость была продиктована тем, что идиома византизма часто использовалась в ориенталистском ключе и в качестве метафорической дискредитации негативных советских явлений и черт (например, сталинского византизма). Оппонируя предполагающим негативное прочтение византийского исторического опыта предпосылкам такого словоупотребления, Кожин предлагал свой историософский взгляд на Византию и особенности восприятия некоторых ее культурных аспектов Россией. Он рассматривал Византию «и как евразийское, и как идеократическое государство» (Кожин, 1998, с. 136). Считал, что она обладала позитивным восточным началом, а к числу ее позитивных черт относил многоплеменность. Многоплеменная – и поэтому евразийская – суть Византии противопоставлялась Кожинным Западу, которому, по его мнению, присущ расизм. Византийско-евразийский принцип эгалитарного обустройства социума, по его мнению, лег в основу России.

Полемизируя с западническими, на его взгляд, реформаторами и демократами, Лимонов утверждал, что русские «обязаны» самим фактом принятия восточной, византийской модели христианства, из-за чего он считал возможным применять к описанию русских идиомы «коллективизм» и «общинность». При этом списанный с Лимонова лирический герой одного его художественного произведения однажды думает про «азиатскую нищенскую убогость», когда видит бедно выглядящие прилавки в центре переживающей экономический кризис родной страны. Так, при помощи негативно-ориенталистской характеристики «азиатскости» автор указывал на ненормальность конкретной ситуации. Уже став главой НБП, уличая некоторые другие ситуации в их, на его взгляд, ненормальности, Лимонов будет говорить и об «азиатских деспотических чиновниках», а также видеть «нашу азиатчину» в самом характере коварных действий политиков в контексте предвыборной гонки. Вероятно, радикальный переход из самоориенталистских рассуждений об «азиатской» составляющей России и русских в начале

1990-х гг. к большей готовности к резким негативно-ориенталистским характеристикам продиктован фактом становления Лимонова действующим политиком, которому необходимо было производить все более резкие высказывания.

Примечательно, что политические языки Лимонова и Кожина сходятся на соотнесении с Россией идиомы «многонациональность». Она связывается с Россией в языке Кожина в контексте его радикального противопоставления России и Византии (Востока) Западу, но сопровождается рядом существенных оговорок в языке Лимонова. Однако у обоих авторов она в той или иной степени оказывается связана с их постулатами о присущем русским восточном коллективизме. При этом языки Лимонова и Кожина содержат редкие примеры использования идиомы «многоплеменной» в качестве синонима «многонациональному» (и «племени» в качестве синонима «нации», «народа» вообще), что говорит о вероятном влиянии историософии Кожина на язык Лимонова в этом контексте.

Примечания

¹ А. Г. Дугин (род. 7.01.1962) – российский философ, политолог, социолог, один из лидеров Национал-большевистской партии (1993–1998).

Список источников

- Кожин В.В.* Загадочные страницы истории XX века. Черносотенцы и революция. М.: Прима В, 1998. 256 с.
- Лимонов Э.В.* Иностранец в смутное время. Омск: Омск. книж. изд-во, 1992a. 544 с.
- Лимонов Э.В.* Исчезновение варваров. М.: Глагол, 1992b. 317 с.
- Лимонов Э.В.* Как мы строили будущее России. М.: Пресском, 2004. 509 с.
- Лимонов Э.В.* Убийство часового. М.: Молодая Гвардия, 1993. 368 с.
- Новодворская В.И.* Возвращение из Эдема // Огонек. 1993. № 44–46. С. 30–31.

Библиографический список

- Атнашев Т.М., Велижев М.Б.* «Context is King»: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. Т. 134, № 4. С. 21–44.
- Бобров И.В., Михайлов Д.А.* Ориентализм в идеологии современного русского национализма // Изв. Иркут. гос. ун-та. Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31. С. 21–35. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.31.21. EDN: CFPZRB.
- Вахитов Р.Р.* Евразийство и европеизация в России начала XX века: «российский ориентализм» и антиориентализм евразийства // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 2(22). С. 123–129. EDN: REZVXJ.
- Глебов С.В.* Евразийство между империей и модерном. М.: Новое изд-во, 2010. 632 с.
- Ермолаев В.Ю.* Был ли Л.Н. Гумилев учеником П.Н. Савицкого? (по материалам писем Л.Н. Гумилева 1956–1961 гг.) // Вестник Перм. ун-та. История. 2013. № 1(21). С. 205–212
- Малинова О.Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. 190 с.
- Митрохин Н.А.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
- Рославцева М.В.* Евразийство: классические и современные подходы // Вопросы социальной теории. 2022. Т. 14. С. 186–197. DOI: 10.30936/2227_7951_2022_14_186_197. EDN: TTIKMX.
- Сапон В.П.* Сравнительный анализ социально-политических взглядов М.А. Бакунина и Э.В. Лимонова // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. История, политология, международные отношения. 2004. Вып. 1(2). С. 44–56. EDN: HQTEYT.
- Bassin M.* The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia. Cornell University Press, 2016. 400 p. DOI: 10.7591/cornell/9780801445941.001.0001.
- Fenghi F.* It Will Be Fun and Terrifying. Nationalism and Protest in Post-Soviet Russia. Madison: University of Wisconsin Press, 2020. 313 p. DOI: 10.2307/j.ctvh86j8.
- Laruelle M.* Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2012. 276 p. DOI: 10.56021/9780801890734.

Lau L., Mendes A.C. Re-orientalism and South Asian Identity Politics: The Oriental Other Within. London: Routledge, 2011. 170 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.05.2025

PECULIARITIES OF SELF-ORIENTALISM IN THE POLITICAL LANGUAGES OF V. V. KOZHINOV AND E. V. LIMONOV IN 1990s

A. A. Канаев

National Research University "Higher School of Economics", 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia
hunter_kan@inbox.ru

The current article is dedicated to the specifics of how the image of the "East" correlated with Russian national identity in the political languages of Russian nationalists in the 1990s. The focus is on situations in which certain positive features of the imaginary "East," as opposed to the "West," were associated with the Russian nation. The proclamation of such an image of Russians in this text is called "self-orientalism." The article was carried out within the framework of intellectual history. The main sources are the texts of a representative of the "Russian party," author and literary scholar V. V. Kozhinov, and the writer, poet and leader of the National Bolshevik Party E. V. Limonov. A number of statements made by Kozhinov and Limonov are analyzed in the context of their polemics with the "Westernizers," and in the context of the popularization of "Eurasian" political philosophy. The text of V. V. Kozhinov illustrates a remarkable case, which can be called "Byzantine Eurasianism." Kozhinov believed that there are "Eurasian" states by nature that tend to retain a multitude of "peoples" ("nations") within their structure, in contrast to the unifying and "mono-national" "Western" states. According to Kozhinov, Russia also possessed this "Eurasian" principle, but inherited it from "Byzantium." Limonov claimed that Russians possess a "collectivist" character because they adopted the "Byzantine," "Eastern" version of Christianity. The "collectivism" of Russians, according to Limonov, is a product of them being "Asianized." When the NBP was founded, orientalist "Asian" idioms became more common in Limonov's language, according to them, the kinship of Russia and the "East" was not denied, but they began to be used to characterize negative phenomena and processes.

Key words: Russian nationalism, V. V. Kozhinov, E. V. Limonov, East, orientalism, West, intellectual history.

References

- Atnashev, T. M., & Velizhev, M. B. (2015). "Context is king": John Pocock, historian of political languages. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 134(4), 21–44.
- Bassin, M. (2016). *The Gumilev mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the construction of community in modern Russia*. Cornell University Press.
- Bobrov, I. V., & Mikhaylov, D. A. (2020). Orientalism in the ideology of contemporary Russian nationalism. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 31, 21–35.
- Ermolaev, V. Yu. (2013). Was L. N. Gumilev a disciple of P. N. Savitskiy? (On the basis of L. N. Gumilev letters 1956–1961 years). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 1(21), 205–212.
- Fenghi, F. (2020). *It will be fun and terrifying: Nationalism and protest in post-Soviet Russia*. University of Wisconsin Press.
- Glebov, S. V. (2009). *Eurasianism between empire and modern*. Novoe izdatel'stvo.
- Laruelle, M. (2012). *Russian Eurasianism: An ideology of empire*. Johns Hopkins University Press.
- Lau, L., & Mendes, A. C. (2011). *Re-orientalism and South Asian identity politics: The oriental Other within*. Routledge.
- Malinova, O. Yu. (2009). *Russia and «West» in XX century: Transformation of discourse of collective identity*. ROSSPEN.
- Mitrokhin, N. A.* (2003). *Russian party: Russian nationalist movement in USSR. 1953–1985 years*. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Roslavtseva, M. V. (2022). Eurasianism: Classical and contemporary approaches. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 14, 186–197.
- Sapon, V. P. (2004). Comparative analysis of views of M. A. Bakunin and E. V. Limonov. *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Istoriya, politologiya, mezhdunarod. otnosheniya*, 1(2), 44–56.
- Vakhitov, R. R. (2013). Eurasianism and Europeanization in Russia in the beginning of XX century: «Russian orientalism» and anti-orientalism of Eurasianism. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, (2), 123–129.